

3 КУРС

Курсанты
АНАСТАСИЯ МАКСИМОВА

Анастасия Максимова

Курсанты – 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69950578

SelfPub; 2024

Аннотация

Третий курс и экватор обучения совсем близко! Учеба стала не просто частью жизни, все слилось воедино. Курсанты уже не желторотые первокурсники, и теперь перед ними стоят проблемы иного рода. Но это не значит, что не осталось места любви, веселью и нескончаемым залетам Семен Семеныча... Все также основано на реальных событиях. Зоя Анишкина, Катя Упс и Нино Меладзе – псевдонимы Анастасии Максимовой. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

Глава 1. Егор Коптев	4
Глава 2. Василек	11
Глава 3. Семен Семеныч	17
Глава 4. Вероника Фальцева	23
Глава 5. Макар Сохин	30
Глава 6. Настя Маркевиченко	37
Глава 7. Диана Белозерова	44
Глава 8. Маша Копылова	51
Глава 9. Олег Макаров	57
Глава 10. Вероника Фальцева	64
Глава 11. Вика Волобуева	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Максимова

Курсанты – 3

Глава 1. Егор Коптев

Мы не могли поступить иначе. Мне позвонила Маша. Она вообще взяла на себя эту ношу, достучаться до всех, до кого только можно. Коротко и по делу сообщила, что произошло, без подробностей. Обозначила время и место мероприятия.

Пришлось матери говорить, что я сдаю билеты и еду в город обучения чуть раньше. Благо поменять удалось без проблем. Народ хоть и бурчал, но все-таки причина оказалась более чем весомая.

На самом деле желанием возвращаться в институт не горел. За эти два года он мне порядком надоел. Хотя как надоел... Когда ты там, то все бесит, препода по ушам ездят, наряды тупые бесконечные, а когда уезжаешь, дома уже скучно без этой движухи.

В этот раз сессию я сдал с тройками. Немудрено, логика давалась мне еще хуже, чем всем остальным. Хотя мне показалось, что на экзамене я тупо не попал в струю. Ни списать не смог, ни ответить.

Объективно, мне и парашу ставить было не за что, но все же... Неожиданно чуть не завалил зачет по физо. Они у нас

с огневой каждый семестр. Экзамены будут на пятом курсе.

Я ногу подвернул, когда три километра бежал. Прямо на повороте. У нас спортгородок такой... Не очень, в общем. Покрытие старое, асфальт. Скользкое. Ну, вот я и не удержался.

Ребята подхватили, дотащили. Сохин пошел договариваться, и физиошники уступили. Они-то знали, что я всегда в тройке на курсе пробегал. Ну, бывает, что не везет человеку.

Остаток вроде прошел без происшествий. Экзамены сдались, было даже весело пару раз. Квартира, правда, убитая попалась, да жил я с парнем из моего города из третьей группы.

Мы логично пришли к выводу, что так удобнее будет. Все же домой ездить отлично, ему обещали тачку подогнать ро-даки после отпуска. Мы в нарядах пару раз стояли вместе в ДП. Как раз после того как Сема из ковша выпал.

Ну и повелось как-то. Садился в поезд, и не верилось, что возвращаюсь. Потому что поселилось стойкое ощущение, что я не уезжал. Да и повод очень нерадостный. Но у меня даже и в мыслях не было его задинамить.

Плацкарт был полон орущих детей и запахов вареных яиц. У меня тоже с собой было, что уж там. Стандартный набор: курица, пара огурцов и яйца. Можно было, как на Пасху, устраивать бои. Только что яйца некрашеные.

Поезд курортный, полка верхняя боковая. Но хоть такая была. Народ, видно, решил с маленькими детьми последние

денечки лета поймать. Да и в Сочи сейчас бархатный сезон.

Через пару часов пошел прогуляться. В третьем вагоне неожиданно наткнулся на Аленку нашу. Она сидела и ела огурец. Вот это поворот! Незаметно подсел к ней:

– Девушка, а у меня еще и яйца есть. Домашние.

Она подавилась, и пришлось ее по спине пару раз ударить. Когда девушка откашлялась, посмотрела на меня возмущенно. Точно, я и забыл, какая она сварливая, но было поздно:

– Коптев, опять ты со своим юмором! Я думала, ко мне извращенец какой подсел!

Она принялась спешно закручивать кулек с куриной грудкой и скорлупками от яиц. Я же усмехнулся. Я же не виноват, что у них такое чувство юмора у всех плохое! Девушка спросила:

– Ты тоже, значит, едешь. Удивлена. Наших больше никого не встретил?

Пожал плечами. У нее еще конфеты лежали сбоку. Бесцеремонно полез за ними, получив удар по руке.

– Хорош! Троглодит. Я тебе пару штук дам. Ты в том году в наряде по столовой всю пачку мою сожрал. Я тебя знаю!

– Да я голодный был, Ален, что ты жмотишься? У меня глюкозная недостаточность!

– А ты шути меньше, глядишь, мозг не будет так сильно напрягаться. Достал поджирать все, что в зоне видимости!

Тем не менее пять конфет она мне под нос сунула. В этом вся Аленка. Гундит как бабка старая на завалинке. Не хва-

тает только возгласов: наркоманы-преступники и проститутки. Но на деле добрая девка. Вон, едет вместе со мной на не самое радужное мероприятие.

Засунул пару конфет в рот разом. Я обожаю сладкое. Мне даже на день рождения дарили одноклассники огромный набор сладостей. Кайф! Пережевывая, ответил ей:

– Да хрен знает, кто еще будет. Я не писал и не звонил особо никому. Сама понимаешь, не каждый вот так сорваться может.

– Ага, знаю. Но, походу, реально почти все будут. Дианка заграницей, и то порывалась. Ей отец денег на билет не дал. Она там рыдала в чате нашем бабском. Даже жалко.

– Ну да, они ж вроде как друзья. Типа того...

Задумался. Плохо, что Дианки не будет. Мне кажется, она была бы прям вообще кстати. Она эмоциональная, взрывная. Смогла бы отвлечь друга от того, что случилось. Но в любом случае через неделю на пары.

– Егор, тебе тоже Маша писала?

– Ага, позавчера. Я еще переживал, что билет не смогу поменять. Поезд-то почти сутки идет. Ночью с тобой приедем, а утром уже того. На мероприятие.

– Да какое там мероприятие... Страшно.

Она обхватила себя руками. И даже гундеть перестала. Просто смотрела перед собой в одну точку и раскачивалась под мерный ход поезда. Я даже растерялся. Никогда не вникал в эту ситуацию, но и в стороне не стоял. Попытался под-

держат ее:

– Да ладно, Иванова. Там все давно шло к этому. Сама понимаешь. Мне иногда казалось, что он сам реально чувствует.

– Как можно такое чувствовать, Егор?! Это же страшно! Это же самый близкий человек. И такое...

– Да как бы ты сама знала. Там до близости...

– Не нам судить.

Мы оба замолчали. В отличие от меня, у Алены полка была нижняя обычная. Сидеть можно было спокойно. Сверху спали два мужика, а внизу женщина.

Она отвернулась от нас, громко храпя. Вот тебе и дамочка. Вверху вон только сопели, а тут классические такие раскаты грома на весь вагон. Синхронно с кем-то с первых рядов.

Даже шутить не хотелось. Аленка все была хмурая. Мы еще поговорили с ней минут пятнадцать на всякие темы. Обсудили начало третьего курса и предметы наши новые.

У нас этот год прям особенный. Наконец-то начнутся интересные предметы про следствие именно. Криминалистика, предварительное расследование, а еще процесс. Вот процесс уголовный вел зверь местный, и его все боялись как огня.

Ближе к вечеру ушел к себе в вагон. Доел курицу и завалялся спать. Мы приезжали ночью. Взял свои сумки заранее, пришел к Алене в вагон и помог с сумками ей. Она даже не возражала. Уставшая и сонная.

– Егор, ты завтра в чем пойдешь?

Неожиданный вопрос. Я даже растерялся. Засунул сумки в багажник такси. Одну Аленку отпускать не стал. Мало ли, ночь все-таки с незнакомыми мужиками ездить. Мне бы Сохин голову оторвал, если бы узнал. Мы своих девчонок безречь договорились.

– Не знаю. Костюма у меня нет никакого. В форме, наверное. Ты в чате спрашивала?

– Да, походу, все в форме идут. Я вот тоже на всякий подготовила. Рубашка только не белая.

– Так не праздник же.

– Ну да.

Мы молча ехали сначала к дому Алены, а потом к моему. Такси пополам поделили по оплате. Я ей помог донести все до ее пятого этажа, а потом домой помчал.

Пришлось заплатить за съем пустой хаты за целый месяц. Парни меняли часто, но мы не захотели. Удобно все-таки. Залез в чат. Там ребята как раз сговорились идти в форме. Мало ли, надо будет помочь.

Утро настало слишком быстро. Да, вот ни разу не думал, что встречу с ребятами придется организовать в таком месте. И при таких обстоятельствах. Тем не менее жизнь, как всегда, внесла своим коррективы.

А я вышел пораньше. Потому что на похороны не опаздывают.

Отпуск закончился у ребят. Наступает курсантская жизнь. В этом году мы узнаем про них много нового! Третий курс подготовил им много испытаний и веселых моментов. А еще незабываемую учебу и службу в МВД! И да, будет местами грустно, но я вам обещаю, что ненадолго

Глава 2. Василек

Еле успел. Попросил ребят знакомых подбросить. Спасибо, они на юг ехали и согласились небольшой круг сделать. Все же причина была более чем уважительная.

Мне ребята скинули место прощания. Надел форму, пригладил фуражку и пошел. Народу оказалось очень много. Даже не ожидал.

Наших нашел сразу. Большая часть группы стояла обособлено, рядом с Андрюхой. Я взял себя в руки, подошел и протянул ему руку:

– Соболезную.

Он лишь кивнул. Его взгляд напоминал сейчас взгляд безумца. Немного отстраненный, шальной. Тем не менее он встрепенулся и взял себя в руки. Перед нами предстала уменьшенная копия Изворотова-старшего. Которого мы сегодня и хоронили.

– Спасибо. Я пойду прослежу за приготовлениями.

И он удалился от нас прямой как палка. С иголочки. Слово отдавал последнюю дань своему отцу. Я смотрел на него, и глаза подозрительно щипало. Рядом слышались всхлипы.

– Девчат, давайте держаться, Андрею этого не хотелось бы.

– Но Олег, ты посмотри на него! Не представляю, как он

это пережил...

Маша ревела в три ручья, Аленка просто стояла бледная, Вика закрыла лицо руками. Настя Маркевиченко, ожидаемо захлебывалась рыданиями. Возле нее стоял парень, тоже в форме, вроде старшина третьего курса из параллели.

– А что случилось-то? Я так и не понял.

Маша тихо взяла меня за руку. Отвела в сторонку и словно заученно рассказала:

– Он из дома ушел дней пять назад, Андрюха его искал. Ну и нашел, когда... Его резанули. То ли не поделили что, они там все бухие были. Он еще жив был, но пьян в стельку. Андрей скорую вызвал, но те не успели. Он на руках у него умер.

Меня передернуло. Воистину, никогда не зарекайся. И не гневи жизнь пустыми жалобами. Потому что все может измениться в один момент. Как у Андрея, например. Тихо спросил:

– Откуда знаешь-то?

– Макар с ним был. Он все рассказал с разрешения. Андрей не хотел пересудов, сказал, лучше неприглядная правда, чем мерзкие сплетни. Он попросил не разговаривать с ним на эту тему, ну и всем сказать. Мол, если будут знать, то и вопросов к нему не останется.

– Василек, пойдем. Мы с ребятами решили, что гроб мы понесем, а не второй курс.

Просто кивнул. Я никогда не был на похоронах офицеров.

А что бы там ни случилось, Изворотов был и навсегда останется полковником. Мы пошли вперед.

Тут, наверное, весь институт был. По крайней мере, мне так показалось. Народу – тьма. Преподаватели, стайка напуганных курсантов, парни с автоматами.

Все разговаривали тихо. Словно боялись нарушить покой. Отдельно стояли запуганные родственники. Как можно было понять, что это они? Да все просто, они держались особняком возле красивой худенькой бледной женщины и со злостью рассматривали тех, кто в форме.

Организация была на уровне. Макар рассказал мне, что во всем помогал воспитательный отдел института. Андрей излился Макару, тот написал Маше, что тоже в городе была, а потом уже подключился Литвин. Все дело в том, что он, оказывается, побывал на десятке таких похорон.

Он же сообщил в институт, и там взялись за это мероприятие с удвоенным рвением. Говорят, лично Баранов распорядился организовать все достойно. Совесть, что ли, проснулась? Вот как так можно?! По головам...

Но тут же почему-то вспомнились слова Алены Ивановой. Она часто их повторяла:

– Не нам судить.

Наверное, да, не нам. Выхватил взглядом Волобуеву. Она стояла с высоким мужчиной, похожим на нее. Отец, наверное. Тоже по форме, и сестра ее там позади, но видно, что ей пофиг.

– Пошли, ребят.

Андрей позвал нас. Да, похороны были статусные прямо. Деревянный дорогой гроб, оркестр из института с Семой в его рядах. Куча людей и скорбные лица.

Мне почему-то показалось, что отец Андрея бы оценил такие похороны. И словно не было событий последнего года. Словно он снова заходит в кабинет и начинает чморить своего сына, а тот достойно встречает его идеальными знаниями.

Словно это было в прошлой жизни. Словно не про нас, а про каких-то других курсантов. Решил отвлечься. Из группы не было всего пятерых. И то я краем уха слышал, что они просто физически не смогли приехать. Трое на юге, двое билетов не нашли.

Остальные стояли как штыки. Даже гордость за нас за всех берет. Потому что мы даже спрашивать не стали, увиливать. Мы знали, что нужны здесь нашему другу, нашему заместителю командира, что поступил бы для нас также.

Да даже вспомнить вступительные! Как они с Сохиным дотащили Сему. Как горой стояли на парах. Как Макар заступился за Коптева перед физруками, а Андрей за Аленку на логике. Подсказал ей, когда препод отвлекся, когда она сидела перед экзаменатором. Хотя знал, что влететь может.

Да, мы не идеальные, мы спорим и ругаемся, да что уж, хоть мы вместе в клуб и ходили, я все равно не могу назвать Андрея прям другом. Но это что-то большее, что-то иное.

Мы шли и несли гроб. Тяжелый, жесь, но я пообещал, что

ни один мускул на лице не дрогнет. Церемония погребения была красивой. Рассказали, что полковников хоронят за счет государства, и от майора и выше стреляют в воздух три раза.

Вот и тут ребята по команде дали три холостых залпа. Все закончилось. Народ пошел на поминки в специально оборудованное место. Нас не пустили за основной стол, да мы и не стремились особо.

Андрюха пришел к нам в угол спустя минут тридцать от начала. Он стойко выслушал теплые слова о своем отце, выразил соболезнования, а потом просто плюхнулся на скамейку перед Олегом и Макаром.

На столе стояли стопки с водкой. Все как положено, но он смотрел на них невидящим взглядом. А потом демонстративно налил стакан воды. Мне кажется, он теперь на всю жизнь так закодировался.

Прочистив горло, он привстал. Никому из офицеров не было дела до нашего междусобойчика. Парни подняли стопки, девочки бокалы. Андрей набрал в грудь воздуха и начал: – Спасибо. Если бы вы знали, как меня поддерживает то, что вы сейчас здесь. Иногда кажется, что все это фигня. Погоны эти, звания. Но конкретно сегодня я понял, что они с тобой по жизни всегда, раз уж ты их надел. И даже вон, в последний пусть провожают...

Он замолчал, а многие опустили глаза вниз. Бывает так, что слов не хочется. Они рождаются в душе. Изворотов продолжил:

– Говорят, что мы дети, пока живы наши родители. Ну, вот я и повзрослел наполовину. Ребят, цените то, что имеете, даже если вам кажется, что оно какое-то не такое. И вообще... Я так вам благодарен...

Он запнулся... Его глаза покраснели. Первой не выдержала Машка. За ней кинулась Настя. Наплевать на условности, на то, что люди смотрят. Плевать на все! Мы гурьбой кинулись к нему. Девчонки обнимали его, ревели, а мы стояли рядом и поддерживали взглядами.

Но в этих взглядах было столько чувств, что сложно передать словами. Мне кажется, у нас именно в этот самый момент появилось это самое. То, что наша группа – это не просто три цифры. Это мы. Курсанты уже третьего курса факультета подготовки следователей...

Глава 3. Семен Семеныч

– Предмет непростой, будет у вас до пятого курса. Преподавать будем мы вдвоем с Алексеем Ивановичем.

Ой, да как же мне ее уломать? Предыдущая вон сразу на свидание согласилась. А эта ломается как первоклассница. А если сделать так, что я перед ней на баяне сыграю? Всегда работало безотказно.

– Письменной работы будет много, заведите себе папки с листами белыми формата А четыре. Будем формировать ваше первое уголовное дело.

А как баян-то вытащить? Вон, Симон его теперь в кабинете хранит и вообще! Раньше я к нему лазил как к начальнику курса, стремно было, а теперь он начфак вместо этого... Рогатого.

Преподы продолжали что-то рассказывать. Мешали мне думать и заниматься своими делами. Первый семинар, он такой первый. Спрашивают, как правило, по желанию, а мы вопросы давно разобрали, пользуясь случаем.

Машка, как всегда, первый взяла. Там что-то про криминалистику как науку и бла-бла-бла. Предмет, метод, методология. Я сегодня в разборе не участвовал. Надо лекции переписать.

Сидел на последней парте и никого не трогал. Был в целом очень увлечен мыслями и процессом. Уголовный кото-

рый. Он шел следующей парой, и препод там мне сразу не понравился. Много про него говорили.

Такой серьезный весь, прям специалист-специалист. Здесь в институте в принципе все препода были очень даже. Но этот прям впечатлил. Зверь. Копов Евгений Павлович. Он же начальник кафедры уголовного процесса.

Поэтому я методично переписывал последние темы. Надо, чтобы все было красиво и очень педантично. Наверняка понравится...

– Товарищ курсант!

А если добавить текстовыделитель? Он может подумать, что я как девчонка? Или, наоборот, что я молодец?

– Товарищ курсант, что даже на первой паре умудряется игнорировать сразу двух преподавателей!

– Сема!

– Сема, блин!

– Иванов, встань!

Голос Сохина, прогремевший прямо над ухом, выбил почву из-под ног. В смысле? Поднял глаза, на автомате поднимаясь. И чуть не подавился.

Потому что оба препода смотрели на меня, вытянув шеи, словно были не людьми, а сурикатами какими. Смотрелось так смешно, что я икнул. Тем не менее промямлил:

– Прошу прощения, товарищ преподаватель. Товарищи. Преподаватели. Товарищи...

– Достаточно. Иванов, значит? Тот самый баянист? А не

пойти бы вам к доске с ответом на первый вопрос. Надеемся, что предмет вы знаете не хуже, чем выгодные позы при падении из ковша трактора.

Бу-га-га! Аудитория легла. Я же покраснел, и даже уши зачесались. Вжал шею в плечи. Ну сколько можно мне это припоминать? Уже два года прошло. Вон, институт узнал новых героев.

Чего сын преподши по религиоведению стоил. Почему снова ковш-то?! За этим возмущением не сразу понял, что меня откровенно выпинывают вперед. Блин! Первый вопрос.

Страдальчески посмотрел на Машу, но та лишь безжалостно развела руками, углубляясь в собственную тетрадь. Стандартная схема. Пока рассказывают первый вопрос, ты учишь второй. Но елки зеленые!

– Иванов, вы там аккорды на баяне, что ли, вспоминаете?

На этот раз сделал недовольное лицо. Что это за подход такой? Непрофессиональный! Они решили мне тут всю биографию пересмотреть? Так-то неприятно.

Тем не менее вышел. Что отличает настоящего отличника от того, кому, как Гапонову из третьей группы, ставят пятерки, потому что батя-генерал в Москве? Правильно! Умение всегда выйти и ответить хотя бы на тройку, даже если ни хрена не знаешь.

Оставался лишь один вопрос... Какой вопрос-то? Что там рассказывать надо? Медленно шел к месту экзекуции. Краем

глаза заметил на парте у Маши список. Фух, предмет криминалистики.

Мой мозг начал судорожно соображать. Предмет – это то, что изучают. Криминалистика про следы там всякие, доказательства. Ну и попер от себя:

– Предмет любой науки – это...

Когда не знаешь, что именно говорить, начинай сначала. А именно с базового предмета, который вроде и прошел мимо нас, но частично зацепился в умах.

Поэтому я живенько так рассказал все, что знал по теории государства и права. Затем понес полнейшую отсебятину. Обидно было, что преподы молчали.

Они переглядывались и ухмылялись. Вообще, парни рассказывали, что тут на кафедре все адекватные. Начальник стебный, тот вообще хохмит напропалую. Да и остальные веселые и молодые в основном. Многие с практики.

Дедушка был, полковник в отставке. Нам он не достался, но про его лекции и сало наслышаны все. Фраза «О чем думаешь, сын мой? О сале?» стала просто визитной карточкой всей кафедры.

Минут двадцать я распинаясь. Пока не сдулся. Уверенный, что с чистой совестью наговорил хотя бы на четверку, сообщил:

– Товарищ майор, товарищ капитан, ответ закончил.

Такого количества товарищей я не ожидал. Еще привыкнуть надо. На других предметах тоже по два препода: ну, там

физо, огневая, тактико-специальная подготовка... Но именно тут как-то странно было.

– Садитесь, Иванов. На первый раз поставим вам три. Так уж и быть. И то не за знание предмета, а за те прекрасные моменты положительных эмоций после просмотра откатанных вам пальцев. Между прочим, практически у нас под носом.

Я покраснел пуще прежнего. Да что ж они такие злопамятные-то? Ну, было и было. Два года прошло!

– Иванов, садись на место.

Сохин снова меня вывел из задумчивости. Да что хоть он такой нервный? После похорон отца Изворотова как сам не свой. Злится, бесится, бросается на всех. ПМС, что ли? Ему Фальцева давать перестала?

Сел. Бесило все жутко. Теперь из-за этой тройки средний балл низкий будет на следующей неделе. Я хотел флаг поднять! У нас кто больше всего пятерок и только пятерок работает, каждый развод флаг поднимает. Я частенько выходил по понедельникам там красоваться.

Даже не проблема, что в оркестре был. Все равно классно! И уходить можно в три часа домой, если в пожарной команде или наряде не стоишь. Теперь все, придется отрабатывать. Двойки-то закрыть можно, а с тройкой ничего не сделаешь!

Сел на стул и уже собирался вернуться к переписыванию конспектов, как услышал:

– Иванов, если мы увидим, что вы на нашей паре занимаетесь черте чем, то это самое, чем вы занимаетесь, отдадим

преподавателю. Тоже тому самому.

Перед глазами встала картинка, как Копов Евгений Павлович смотрит прямо на меня, продвигая взглядом. Ой, нетушки! Хотя и без лекции не пойдешь на пару по процессу.

Да что за день сегодня такой? Насупился. Преподы же продолжили вызывать по желанию. Обычно они в первый день на первом семинаре почти все так делали.

Мол, мягкое введение в профессию. Меня вполне устраивало. До сегодняшнего дня! Еще и Сохин волком смотрит как... Даже не знаю, как кто! Надо, правда, Фальцевой сказать. Пусть там... займется, что ли.

Глава 4. Вероника Фальцева

– Опять без завтрака? Ты не приболела?

Сдерживая приступ тошноты, я постаралась улыбнуться. Токсикоз трепал нещадно, что иногда совершенно путало мысли.

– Я решила попробовать новый способ питания.

Мать оживилась. С возрастом и сидячим образом жизни ей стало все сложнее держать фигуру в рамках отшитой по индивидуальному заказу формы.

– О! Потом расскажешь. Мне тоже надо. Если на тебя подействует, то и на меня.

Вряд ли на тебя подействует мой способ, мамочка... Кивнула. Телефон снова вибрировал. Сохин. Я прикрыла глаза. Сто раз просила его не писать и не звонить, когда я дома.

– Снова по домашке напрягают?

Голос матери звучал насмешливо. Она уже задавала неудобные вопросы, и я понятия не имела, что с ними делать. Я вообще жила в каком-то вакууме последние два месяца.

Когда я поняла, что могу быть беременна, не поверила. Недели три делала вид, что ничего не происходит. Пока не пришел токсикоз. Нет, меня не полоскало в туалете. Просто мутило двадцать четыре на семь. Даже во сне.

Хорошо хоть, внешне не сильно сказывалось. Да и, как оказалось, самое верное средство от него – учеба. Отвлекало

просто на раз-два. Пока я сидела и боролась с мутевом, мать собралась и ушла.

Я тоже стала собираться. У родительницы там проверка какая-то была, и она всю неделю уходила ни свет ни заря. Наверняка внизу меня по нашей новой, несогласованной со мной традиции ждал Макар.

И зачем я ему тогда рассказала? Я же взрослая девочка, я же все должна сама. Я могу сама! Обязана. Я приняла это решение. И последствия тоже должна нести сама.

Каким местом я думала, когда позвонила ему. Просто он уезжал, и у меня в мозгу переклинило. Как представила, что он исчезает насовсем из нашего города, и все. Конец. Всему.

Потом сто раз пожалела. Я сильной должна быть! И уж точно не ожидала, что Макар приедет через неделю от начала отпуска и будет выносить мне мозги. Я запуталась!

Я не хотела с ним встречаться, не хотела обсуждать и разговаривать. Что мне ему сказать? Что я налажала? Как так вообще получилось? Мы же предохранялись!

Макар несколько раз пытался со мной поговорить, но закончилось все тем, что он просто был рядом. Утром провожал в институт, отвозил на машине. Ее он пригнал из родного города, я не спрашивала, откуда она появилась.

Вечером после пар отвозил. Первый раз он не выдержал, когда захотел запретить мне поход на похороны отца Андрея. Но мы оба понимали, что не можем не поддержать его друга. Тем более я знала какую роль он сыграл в их жизни.

Я находилась в вакууме. Тот момент, когда, вопреки всякой логике и здравому смыслу, надеялась, что рассосется, и лишь по ночам гладила живот, думая, кто же там.

Мне двадцать. Я не замужем, и у меня отношений-то нет в классическом смысле. Как же я скажу матери? Как признаюсь, что невольно повторяю ее судьбу? Как учиться дальше?

В высших учебных заведениях МВД нет академов. Их просто не бывает. В военных даже заставляют подписывать какой-то документ наподобие отказа от беременности. Мол, если беременность, то либо аборт, либо по собственному желанию на увольнение.

Здесь нельзя сделать паузу, потому что юридически мы не учимся. Мы проходим службу. Я уже все узнала. Максимум, что мне положено, так это больничный до родов на недельку и после. Ибо больше двадцати одного дня не положено.

И никто, конечно же, не будет тормозить учебную программу. Зачеты и экзамены я должна сдавать в срок, и всем будет глубоко наплевать. Врач сказала, что ПДР у меня будет на середину апреля.

Улыбнулась. Наверное, это единственное за два месяца, о чем я вспоминала с радостью. Ведь Сохин оказался на редкость правильным и упертым.

Первым делом он потащил меня вставать на учет и делать УЗИ. На которое пошел со мной. Я, вопреки своему характеру, даже не сопротивлялась. Потому что страшно было до чертиков.

Страшно, пока я не услышала сердечко ребенка, что быстро стучало отраженным звуком от стен. Тогда-то впервые пришло осознание – Макар не сбежал. Не бросил меня, не требовал сделать аборт. Он... Он хотел этого ребенка?

Я всегда думала, что очень взрослая. Мне даже мама говорила, что я умна не по годам. Что могу справиться с любой ситуацией да в институте мне не с кем общаться. Там сплошной детский сад.

Но оказалось, что перед лицом действительно взрослого решения я оказалась бессильна. Мне было страшно. До чертиков. А Макар был рядом.

Засобиравлась. Сегодня физра, а у меня кончилось освобождение на две недели, что я брала из-за якобы сбитой ноги. Специально подсуежилась в санчасти, наврав с три короба.

Вышла из дома. Еще светло на улице было, а за поворотом стоял Макар, как всегда. То ли гормоны, то ли какая еще неведомая фигня, но я впервые поняла, что не вывожу. Да и не могу больше.

Как только он вышел из машины, как всегда, хмурый и раздраженный, бросилась к нему, повисая на шее. А потом разрыдалась самым позорным образом.

– Ник, все нормально? Ника, в чем дело, с ребенком что-то?

Забота в его голосе добила. Да как можно быть таким хорошим? Как можно так искренне говорить? Не верю, но так

хочу. Мужчины козлы, они бросают, они исчезают из жизни, а я должна все сама!

– Ты же не уйдешь?

Звучало наверняка далеко от стиля холодной Вероники Фальцевой. Не дай бог кто узнает о том, что я могу так. Быть слабой, но сейчас я оттолкнула его и зло смотрела в растерянные глаза. Макар неожиданно ухмыльнулся:

– Фальцева, ты с надеждой или страхом спрашиваешь?

А потом он так выдохнул, словно у него в легких весь воздух кончился. Подошел и просто обнял, целуя в макушку.

– Дурочка. Ну куда я от вас теперь? Я и до этого-то не сильно собирался, откровенно говоря. Слышишь, Вероника? Не знаю, что там в твоей голове, но я вас никогда не брошу? Поняла? Влюбился в тебя как дурак... Неожиданно.

Он хмыкнул, а я снова заревела. Хорошо, не крашусь, иначе сейчас бы всю косметику по лицу размазывала. Меня осторожно повели к машине. Подчинилась. Непривычно это для меня. Быть ведомой...

– Ник, надо маме твоей сказать. Давай сегодня?

– Я не могу.

– Можешь, я рядом буду. Она по-любому любит тебя, и вообще, ты у нее самая лучшая.

– Лучшая, которая залетела в двадцать.

– Шикарный возраст. От не самого худшего варианта, между прочим. Дети – это иногда неожиданно, но никогда не плохо. Ты поняла меня?

Повернула голову вбок. Вот как у него это получается? Как он может лишь парой фраз успокаивать меня. Мы с ним мало говорили в этот месяц. Совсем. Я закрывалась, не говоря уже о том, что о постели и речи не шло. Сейчас же прямо на светофоре потянулась к нему и поцеловала.

Он ухмыльнулся, но не комментировал. Просто сжал мою руку перед переключением передачи. Меня немного отпустило.

Дальше день пошел своим чередом. За линией КПП я снова стала сосредоточенной, почти бестоксикозной девушкой. Курсанткой третьего курса триста первой учебной группы.

На первой паре по процессу меня вызвали к доске, и я, как всегда, на отлично оттарабанила вопрос. Новый препод пытался помучить, но у меня же мать прокурор области. Я многое знала сверху. Уж процесс-то зубрить не проблема.

У нас даже завязалась дискуссия по поводу правоприменительной практики. Оно как-то само вышло. В итоге меня похвалили и вызвали дальше Семена. Его отчего-то особенно прилюбили именно на этом предмете. Ну, не считая сурикатов на криминалистике.

Если бы не иногда прибывающаяся тошнота, я бы наверняка могла сделать вид, что ничего такого не происходит. Но вот третья пара. Физо. Макар смотрит на меня волком.

Я сказала, что не буду сильно напрягаться и, если что, сразу скажу, что плохо чувствую себя. Все-таки небольшие нагрузки пока еще никому не вредили.

Я уже поняла, что Сохин не хочет со мной ругаться, поэтому частенько молчит. Злится, но молчит. Ну и как-то так вышло, что я пользовалась этим и в хвост и в гриву.

Одного я не предусмотрела, что, несмотря ни на что, все-таки беременна. Поэтому очень сильно удивилась, когда на втором круге беговой разминки меня повело в сторону, а потом перед глазами словно выключили свет.

Глава 5. Макар Сохин

– Я стану отцом.

До сих пор помню, с какой гордостью брат мне об этом сказал. А я... А что я? А у меня язык в жопе застрял добавить, что я тоже. Ну, Ника, ну, только она могла сказать о новости так «вовремя».

И ведь даже не позвонишь ей! Дебильный поезд не предусматривал сотовой связи, а когда мы приехали на первую станцию, я уже успокоился. Может, оно и к лучшему.

Да только, едва сойдя с перрона в объятия семьи, которая так ждала меня, я пошел брать обратный билет. К ней. Благо никто не спрашивал подробностей. Все решили, что это из-за Изворотова.

Не стал их разубеждать. Как я могу рассказать близким о том, что творится в моей жизни, если сам не понимаю? А вдруг... Одна мысль о том, что Ника может пойти избавиться от ребенка, приводила меня в ужас.

Готов ли бы я? Конечно, нет! Кто готов в двадцать два года, учась в такой долбаной шараге с непонятными отношениями, услышать «я беременна».

Знатно я напился тогда. Брат думал, что из-за того, что мое сердце снова кровоточит по его жене. Вот тут даже кольнуло злорадство, ибо хрена с два! И лишь один отец смотрел на меня странным взглядом, а потом прямо перед отъездом

подошел и просто положил в руки ключи от машины.

Сказать, что я удивился, значило ничего не сказать. Подарок я принял с благодарностью, а он попросил честного рассказа, что происходит в моей жизни. Я обещал. Когда буду готов.

Потом приехал к Нике. Все завертелось. Постоянные молчаливые ссоры, тупое, никому не нужное противостояние. Я словно по лезвию ножа ходил. Боялся ее расстроить, вывести из себя, все сглаживал.

А потом звонок Андрея. И словно обухом по голове. Разговор с нашими, Машей, организация похорон. Все так смешалось, что я просто не заметил, как началась учеба.

Какая нахрен учеба? Какие наряды? Мне, когда новый этот зам вместо Михалыча, Баранов, высказывал, что я полы помыл не так на взлетке в библиотеке, мне ему в лицо хотелось крикнуть: ты дебил?

Любому идиоту ясно, что белую затирку между плитками в два для курсанты черной делают. Если мы каждый день будем ее щетками оттирать, то костыми в этой сраной новой библиотеке ляжем.

И вообще. У меня беременная девушка на этаж выше туалет моет с токсикозом! Какого лешего я должен выслушивать это чмо?! Но я молчал. Молчал и мысленно поносил его всеми возможными матами.

Мало кто касался нового зама. То ли мне так доставалось, то ли дело было в том, что свежееотремонтированная библио-

тека была просто мишенью для руководства...

Короче, я ни хрена не спал, мало ел и постоянно был в состоянии бомбы замедленно действия. Что выкинет Ника в следующий раз? А я ведь, дурак, ей кольцо привез и ношу с собой уже месяц!

Вот только знаю, что в данный момент с большой вероятностью получу им по морде. А кольцо красивое. Жалко. Какой-то странный юмор с самим собой.

И ведь я знаю, что тяжело придется. В долбаном МВД нет академов. Дохрена нюансов, и где нам жить? На что растить ребенка? Здесь не подработать даже. Это попросту невозможно и незаконно. Если только курсовики писать на заказ. Надо будет узнать у старших курсов...

А кто будет сидеть с ребенком, когда мы в институте? Не с собой же его носить? У меня голова пухла от этих вопросов. Казалось, что я попал в западню, выхода из которой не видно.

Но сегодня лед наконец-то тронулся и меня немного отпустило. А то даже я стал думать, что Ника у нас реально человек-холод. А тут столько эмоций и истерика. Никогда так не радовался женским слезам.

И все было нормально. Пока я не увидел, как она замедлила шаг и стала медленно заваливаться в бок. Спасибо Машке Копыловой, та завизжала и подхватила ее, пока мы с парнями подросли.

– В санчасть...

– Скорую! Быстро! Скорую!

Я орал как потерпевший, бросаясь к преподу. Тот смотрел на меня как на идиота и уже начал:

– Сохин, я, конечно, все понимаю, но...

– Скорую вызовите, Георгий Романович. Она беременная.

Я добавил это тихо, рассчитывая, что наша история не станет достоянием общественности раньше времени. Внимательный взгляд преподавателя, и он тут же стал набирать скорую, а потом еще кому-то. Протянул мне трубку со словами:

– Это друг мой, гинеколог. Пока эти едут, расскажи, что там к чему. Он сейчас как раз в Семашко дежурит, сказал, к ним привезут.

Я с благодарностью кивнул, а дальше все как в тумане. Девочки пытались привести ее в чувство, я разговаривал с врачом. Приехала скорая, прямо на спортгород.

Вероника пришла в себя. Испуганная, бледная, она цеплялась за меня, и ее явно не интересовало, что подумают другие. Впрочем, как и меня. Мы объяснили врачам все, и они решили перестраховаться. Им уже позвонили из больницы. Все-таки дочка главного прокурора города.

Одного мы не учли. Когда подъезжали к больнице, там в приемном покое нас встретила встревоженная высокая женщина в форме. Даже невооруженным глазом было видно, кто это. А Нике сейчас нельзя нервничать.

Прежде чем она увидела мать, я решительно вышел впе-

ред и оттеснил ее к стене, сразу заявляя:

– Ей нельзя нервничать, она сейчас не должна вас видеть. Меня зовут Макар Сохин, я вам все объясню, как только ее осмотрят врачи.

Я ожидал, что эта властная с виду женщина сейчас начнет спорить. Шутка ли, начальники другими не бывают. Но, к моему удивлению, она кивнула и отошла вглубь. Фантастика какая-то.

Нику встретил тот самый врач, что говорил со мной по телефону. Заверил нас, что, скорее всего, все отлично и ребенку ничего не угрожает. Повел ее на УЗИ, но меня не пустил.

Меня оставили на кушетке в приемном покое. Буквально через секунду подседа Фальцева-старшая.

– Ну что, Макар Сохин. Может, вы мне расскажете, почему я узнаю о том, что моя дочь в положении, от вашего начальника курса?!

Она еле сдерживалась. Судя по всему, пришла в себя, а мне предстояло самое странное знакомство с родителями. Но я выдержал свадьбу брата на своей некогда любимой девушке, поэтому закаленный боец. Начал:

– Отец ребенка я, я бы хотел жениться на вашей дочери, когда она согласится, она боялась вам сказать. Ника очень скрытная в этих вопросах, и, насколько я понял, она больше всего на свете боится вас разочаровать. Очень прошу вас, она и так перепугана, не рубите сгоряча. И... Простите, что так вышло.

Она усмехнулась. Но стала спокойней, что ли. Насмешливо спросила:

– Извиняешься-то за что? Что предохраняться не научили.

Глядя прямо ей в глаза, спокойно ответил:

– Научили. Но, как оказалось, фраза «ни один способ не дает стопроцентной гарантии» не сказки для устрашения подростков.

Она хмыкнула. Откинулась назад. В этот момент у нее зазвонил телефон. Подняв трубку, она вмиг изменилась, отчитывая какого-то сотрудника. Видно, сорвали ее... Наконец, она закончила и обратилась ко мне:

– Какие же вы еще дети.

Неожиданно. Я был удивлен ее выпадом, но комментировать не стал. Не орет, и ладно. Без понятия, что ожидать от их женского коллектива. Непростая семейка, но, как водится... любимых не выбирают.

Вскоре открылась дверь, и вышла счастливая Ника. Правда, при виде матери на ее лице отразился такой ужас, что она невольно отшатнулась, с упреком глядя на меня. Ну, приехали! Придется, небось, у врача все уточнять, хорошо, физрук сбросил мне его номер.

Но мама Вероники меня удивила. Она мягко улыбнулась и сказала:

– Ну какая же ты у меня дурочка. Я рада за тебя.

А потом обняла свою срывающуюся в истерику дочь. И

тут я понял многое. Потому что, судя по всему, этой парочке я был абсолютно не нужен.

Глава 6. Настя Маркевиченко

– Настюх, ты что? Расстроилась из-за тройки? Да он зверь, прекращай!

Стояла в коридорчике перед лекционными залами. Осипов смотрел на меня как на дурочку. Ну да, он же у нас мистер Совершенство, и процесс вообще без проблем проходит. А мне непонятно ничего, и никак выучить не получается!

– Все равно мать попросит...

– Да что ты за человек такой?! Не хочу я, чтобы она просила.

Надулась. Артем бесил сегодня нещадно. Хотя соглашусь, что злость на него была для меня сейчас скорее подпитана другими эмоциями. А именно тем, что мы с ним уже как бы два месяца нормально встречались, и мне все нравилось.

Кроме того, что надо было идти на новый взрослый уровень, а я боялась. Тем более после всего вот этого... Что на неделе случилось.

Словно ответом на мои мысли в начале коридора показались Сохин с Фальцевой. Я бы сказала, новость этого года точно. Да еще какая. После того как Веронику увезли на скорой прямо с пары физо, наше доблестное руководство дружно растрепало все обстоятельства.

Физрук потом долго негодовал. Зная, что Ника прокурор-

ская дочка, он позвонил на курс. Мол, сообщите матери. Матери сообщили, прям во всех подробностях.

Как сказал Георгий Романович, знал бы, что на курсе всем растреплют про беременность, то вообще бы молчал. Насколько я знаю, он даже перед Сохиным извинился. Но тот не стал ничего говорить.

Груша запаниковал. Мне кажется, начальник курса из него посредственный, да и вышло так, что с замещением поста начфака Симоном в нашей курсовой жизни ничего особо не изменилось. И все, потому что Симоненко даже кабинет менять не стал. Как сидел на курсе, так и остался сидеть.

Все решалось через него, и только что подписи на рапортах стало на одну больше. Удивительно, но факт.

– Настюх, ты опять отлетела? Я говорю, родители отдыхать едут в Египет по горячей. Приглашаю тебя в наш домашний кинотеатр.

Ага. Знаю я твои приглашаю, Осипов. Как начинаешь приставать, так я все, голова в одном месте, руки в другом и мозг отключается.

– Я подумаю.

– Ну, Настюх, я не буду приставать!

Посмотрела на него скептически. Не буду. А потом вон мне тоже беременной ходить? Уже весь институт обсуждает в курилке. Хорошо хоть, командир у нас адекватный и не сильно парится на этот счет.

С Фальцевой вообще как в гуся вода. Она вроде отошла,

и ладно. Хотя, откровенно говоря, я Рада за нее как никогда. Потому что глаза у нее теперь счастливые-счастливые. Чего не скажешь про Макара.

Но я уверена, что они смогут справиться со всем. Умудрились же как-то отношения ото всех скрывать. Такие тем более отношения... Хотя скажите мне честно. О чем вообще можно говорить, когда, блин, ребенок будет!

– Так, с тобой сегодня говорить – себя не уважать. Считай, я обиделся, Макаренкова.

Вот он это специально. У него фишка такая, коверкать мою фамилию в стиле преподов. На криминалистике уже полтора месяца меня Макаренко величают и наотрез отказываются запоминать. Надо матери рассказать, пусть им сапоги на размер меньше выдаст!

– Артем!

Но мой парень уже смылся в аудиторию. Мы были одной такой странной межкурсовой парой. Тем более после всем известного спора. Волобуева после моего слезного нытья такое рассказала, что вся курилка охреневала. Осипов всем запретил про меня говорить и вообще сказал, что влюбился и чтобы никто даже про спор вспоминать не смел. А проигрыш демонстративно выплатил.

Приятно! Но страшно капец как. Я даже матери не сказала еще. Она наверняка спалила всю контору, но из принципа ждет, пока ее единственная дочь разродится признанием.

Пошла на лекцию. Макар оглядывал всех соколиным взо-

ром, задерживаясь на Семе. Я усмехнулась. Сохин же начал:
– Семен Семеныч. Вы нам не окажете честь сообщить, сможем ли мы сегодня раздеться до рубашек?

Послышался ржач. Народ гудел, но шутку оценил по достоинству. Потому что Сема, кажется, словил какой-то злой рок. То он с коротким рукавом рубашку под ПШ наденет, то шевроны пришьет, чтобы не забыть, но потом окажется, что они не на ту сторону.

Как тогда орал на него Сохин. Мне кажется, я теперь среди ночи встану и буду способна рассказать, что шеврон с изображением книжки лепится посередине рукава восемь сантиметров от плечевого шва на правую руку! Правую. Руку! А не правую сторону, когда ты смотришь на рубашку!

– Сможете. Раздевайтесь! Разрешаю.

И Сема осторожно снял с себя китель, ожидаясь глядя на окружающих. Те же по привычке принялись сканировать его. Да нет, вроде на этот раз угроза миновала и все правильно. Бу-га-га!

Уселась рядом с Волобуевой. Та в восторге не была, но, судя по всему, я компания лучше, чем ее сестрица. Они с ней вообще почти перестали общаться, и Вика теперь все время с нами ходила. Непривычно.

– Ну что, Настюха, готова к ПХД в библиотеке?

Вытащила блочную тетрадь, потом пенал с ручками и текстовыделителями. Спокойно и тихо ответила Вике:

– Не-а, мы договорились с Макаром, что меня вместо Ве-

роники на второй этаж переведут. Я типа добровольцем вызвалась.

Мы с ребятами, пока Ника пару дней дома лежала, договорились. Вика тогда в наряде была и в обсуждении не участвовала. Сейчас она хмурилась, а я рассказала, что Сохин нас собрал и, раз мы уже все знаем, попросил зря не трепаться и отнестись с уважением к ситуации.

Личного не обсуждали, но я предложила Веронику пока снять с уборки туалета. Раз токсикоз, то нечего ей какашки нюхать. Ребята все единодушно поддержали. Даже не бесился никто.

Рассказала это и встала. Зашел преподаватель, и началась знакомая чехарда с «встать, смирно, вольно, присаживайтесь». Церемониала никто не отменял. Вика тихонько сказала:

– Знаешь, я, вообще-то, очень сильно бесилась, когда нас с Никой разделили по разным группам. Думала, как мы будем, но так вышло, что только сейчас я понимаю, как это круто. И какое счастье, что я оказалась в первой.

– Это почему это?

Препод по тактико-специальной подготовке, она же ТСП вещал о какой-то ереси с трибуны. Там все пары были в основном семинарами да практическими, а лекции так чисто символически. Я даже не записывала особо ничего.

– Потому что во второй группе бы перегрызлись за такое. Там вон срач вечный кто взлетку моет на третьем этаже, а

кто кабинеты.

Пожала плечами. Ну да, наша группа как-то выделялась, что ли. Я тоже это заметила. Посмотрела на задумчивую Вику. Решила, что стоит сказать свои мысли вслух:

– Я рада, что ты учишься с нами. Именно ты. Без тебя было бы не то.

Она улыбнулась. Так классно было наблюдать за этим. Мы продолжили писать лекцию, потом стало скучно, а от монотонного гудения препода совсем тяжко.

Вика начала расспрашивать про Осипова, и я неожиданно разоткровенничалась.

– Да просто... В общем, я же понимаю, что ему уже надо. Ну, там он же взрослый парень, и у него давно все было. А мне страшно.

– Да всем страшно, Насть. И мне. Только вот у меня Осипова нет.

Она усмехнулась. Вот мы даем. Все как на подбор. Со странными отношениями или полным их отсутствием. Тем не менее фыркнула:

– Да на тебя народ толпами заглядывается, выбирай любого!

– А я не хочу любого, Насть. Я хочу, чтобы влюбиться. Вон посмотри, как у Макара глаза горят на Фальцеву. Как он сам рассказывал, всех вызвал, ради нее прям и то, и это. Осипов твой с тебя тоже не сводит. Деньги большие отдал, только чтобы ты думала про него хорошо. Олег вон с Диан-

кой...

Мы переглянулись и прыснули. Нет, эту парочку лучше не трогать. Один делает вид, что ему пофиг, вторая, что ненавидит. Ходят кругами и шугаются друг от друга.

Интересно, что раньше произойдет: или шах помрет, или ишак сдохнет! После этого тема как-то сошла на нет. Препод вспомнил, что он на лекции, и велел командиру поднять всех бесславно polegших в неравном бою со мной бойцов.

Таких оказалось едва ли не две трети курса. Поляна эдакая из лежащих. Мы еще, считай, с Викой молодцы. Разговаривали, но хоть не уснули!

Я же задумалась. Ну ладно. Может, и дам Осипову шанс. Тут Вика права. Это все равно случится, а так хоть с парнем, к которому у меня, определенно, есть чувства.

Глава 7. Диана Белозерова

– Диан, ну, подмени меня. Макс билеты в театр достал, я там не была с первого курса!

– Да подменю, подменю.

Я бурчала как старая бабка, делая домашку по процессу. И кто вообще заставляет так много писать? Пока все постановление пленума законспектировала по уголовке, чуть мозоль на пальце не набила. А теперь еще и это подъехало.

Криминалисты там какие-то рисунки от нас хотят, гражданский процесс на подходе. Его, видать, на закуску оставили. Говорят, там препод ржачный какой-то. Вот и проверим.

Копылова радостно улыбнулась и поблагодарила. Вообще, она редко меня о чем-то просила. В основном я ее. Она у меня, когда на казарме жила, была дежурной девочкой на подмену нарядов. Особенно когда Макс выпустился.

Золотые были полгода и безотказная Маша. Теперь хрен найдешь кого. А болеют у нас и вон беременеют с регулярностью.

Но конкретно сейчас дело касалось далеко не нарядов. А сортиров, будь они неладны! Ну серьезно? Прошло больше года, как нам поменяли территорию.

Откровенно говоря, я ожидала, такая, что в этом году история повторится. Но что-то пошло не так. И на мой вопрос Симону, когда уже будут территорию новую давать, он спо-

койно ответил:

– Белозерова, тебе уже надоело на втором этаже?

И ржал еще такой, как зараза. Тоже мне, начальник факультета! Как был курсовым, так и остался! Нехороший человек. Я б ему... Короче, территорию нам не поменяли.

И ладно бы все было тихо-мирно, но первакам дали какую-то лафу, второй курс драил взлетку первого этажа, там даже женского туалета нет! Только вонючий мужской! А я, курсантка третьего курса, должна была натирать унитазы?!

Короче, сегодня шла на белые камни как на повинность. Понятное дело, что Машка потом отработает, но все равно как-то обидно. Завернула за угол и наткнулась на удивленного Олега. Точно, блин. Он же по средам.

Мы распределили все по будним дням, а на ПХД по субботам вдвоем ходили. Сначала, правда, вообще всегда нас ставили по два, но со временем стало понятно, что в этом нет необходимости. Макаров молча дал мне пакет с мусором, я же буркнула:

– Копылова в театре с Литвиным.

Словно должна была оправдываться перед ним, почему сегодня пришла. Он вообще старался со мной не пересекаться. И все после того поцелуя, чтоб он неладен был. А еще до него вечные разборки.

Да и вообще, все началось, наверное, здесь с моих слез. Вот только этот гад прав оказался. Я привыкла к туалетам и действительно убирала их одной левой.

Приходишь, мусорные ведра все в один пакет фигачишь, потом такая смотришь на сортиры. Если не обосрано, то просто полы протираешь, не касаясь тряпки, а потом либо подметаешь, либо моешь взлетку в зависимости от того, что решите с парнем в паре.

Периодически, правда, бухгалтерия подкидывала задачек-неберучек. Типа очаровательной женщины с очками-окулярами. Она входила в туалет аккуратно каждый раз за пять минут до приемки помещения курсовыми. Традиция у нее такая. На дорожку, так сказать.

Каждый раз она шла по свежевывытому и непременно в самую дальнюю кабинку. Закрывалась там, нередко все пачкала и с царственным видом, словно на троне сидела, а не в общественном туалете, возвращалась. После нее воняло, оставались следы и мусор.

Даже Николяша, который нынче был повышен до замначальника курса, уже знал про эту нашу особенность. Ну да. У каждого свои фишки. Вон, в библиотеке заведующая только что с зубочистками не ходит грязь выковыривать.

На самом деле в сравнении с этажом ниже, где располагался свежеотремонтированный храм знаний, нам повезло. По многим причинам. У нас не было сорока окон. Только три, и все они мылись на раз-два.

К нам начальство и все возможные комиссии на экскурсию не водили. Если только так, по нужде. Ухмыльнулась. Доставая мои личные перчатки как у водолаза.

Ребята не убирались во время ремонта, ловя халяву, но теперь их дрючили так, что даже мы иногда слышали высокий голос Виолетты Павловны снизу:

– Мака-а-арушка!

У Сохина уже аллергия на нее была и глаз дергался. Он стонал, но стойко переносил все тяготы и лишения службы. Я даже как-то пошутила недавно, что, если дочка родится, не хочет ли он ее Виолеттой назвать.

Плохая была шутка. У меня до сих пор мороз по коже от взгляда Фальцевой. Прямо уже с нетерпением жду, когда она снимет форму и будет ходить до невозможности милая и пузатая.

– Диан, у тебя тут швабра есть? Нашу опять сперли.

– Да задолбали они! Давайте замок на дверь повесим!

– Вот и я говорил Андрею...

Мы оба замолчали. Я даже смутилась. Обсуждать что-то с Олегом на эту тему было странно. Я попятилась и открыла первую кабинку. Чтобы от всей души выругаться:

– Да что б вас диарея в этом самом сортире накрыла!

Передо мной стоял самый крайний туалет с огромными железными подставками под ноги по бокам. А в нем... В нем сплошняком лежали мелко порванные бумажки. Очень мелко порванные бумажки! Моему возмущению не было предела.

– Что там, Диан...

Олег был таким высоким, что просто посмотрел мне за

плечо и смачно нецензурно выругался. Он стоял так близко, что я покраснелась и засмузилась. Хорошо, что это можно было спрятать за злостью на неизвестную работницу бухгалтерии.

Откуда я это знала? И почему грешила на мой самый нелюбимый отдел? Да все просто! Дело было в линиях на бумажках. Классический счет-фактура! Чтоб меня...

– Знаешь, я даже не могу решить, что лучше. Вот это или наши классические подарки.

Это он имел в виду кучки фекалий, которые не всегда попадают по назначению в то самое место, а иногда сваливаются мимо. Регулярно сваливаются. Едва не плача, сказала:

– Ну, у мужиков прицел сбит, а у наших бабок что? Правильно. Совести нет.

– Да я вообще многое узнал о людях за этот год.

Хмыкнула. Что уж тут скажешь. Я тоже многое поняла, отмывая стены от всевозможных загрязнений всех цветов радуги, а впереди так-то предстоял еще один год минимум.

– Давай я вытащу, Диан?

Покосилась на Олега. Это мне он так помочь решил? Приятно, конечно, но перчатки профессиональные у меня. Я отца попросила достать. Такие ни за что не порвутся.

Никогда не забуду тот день, когда было мое первое ПХД и Куропаткина заставила меня кислотой оттирать ободки изнутри. Губкой. А потом руку по локоть засовывать. Прямо в жерло сортира. Я дома так не делаю!

Хотя ладно. Парадокс был в том, что дома я вообще не убиралась, а тут мыла за целым институтом. Ну, в общем, я в тот роковой день провела по локоть в туалетах.

Когда домыла последний, взяла две перчатки, достала руку, а она была мокрой. Мокрой! И только я заметила ЭТО. Дыру. Дыру, мать ее, в перчатках. Обеих. Как меня тогда не стошнило, не знаю.

На следующий день отец после моей истерики купил мне профессиональные три пары супертолстых перчаток. Собственно, в них я сейчас и была. В них же и предстояло выгребать это безобразие.

Потому что я понимала, если туалет забьется, а он делает это от каждого чиха, то будет плохо всем. На всех четырех этажах корпуса. Мы это проходили. Развела руками:

– Да ладно, Олег, я и сама справлюсь. У меня тут тяжелая артиллерия, – указала я на перчатки.

Даже улыбнулась. Он замялся. Смущенный Макаров – это что-то новенькое. Я оценила. Он, судя по всему, тоже. На том и порешили.

Парень подмел и вымыл взлетку, а я пока обезвредила бомбу замедленного действия, что подкинул нам финансовый отдел. Ручками выгребла все намокшие бумажки, не забыв сделать фото. На память.

У меня в телефоне уже была папочка таких веселых изображений. Чтобы потом я лет через пятнадцать не забывала, как оно было.

Когда закончила, вышла поболтать с Олегом, но меня встретил лишь Николяша. Тот уже был в курсе и также знатно поносил бабулек-экономистов! Мне даже обидно стало. Получается, что Макаров от меня сбежал...

И почему меня должно это волновать?

Глава 8. Маша Копылова

– Все выучила, моя отличница?

Макс поцеловал меня и уставился с прищуром. Вот наглец! Знает же, что полночи просидела за домашкой. Я начинаю тихонько ненавидеть учебный отдел. Еще за журналом сейчас бежать.

– Издеваешься, да?

Тот широко улыбнулся. Мне иногда казалось, что он из института и не уходил. Как бы то ни было, служба на земле моему Литвину не шла. Ну не смотрелся он совершенно среди жуликов! Не было в нем... ушлости.

Мы с ним как-то обсуждали это. Тогда Максим сказал, что самый лучший опер и следак тот, кто сам в душе прошаренный жулик. Думает и изворачивается как он. Я согласилась.

Мой же любимый – история вообще не из этой оперы. Он высокий, статный, представительный. Такому сотруднику надо на мероприятиях выступать и быть лицом МВД.

Нет, нареканий к работе у начальства вроде бы не было. Там история в другом... Что просто глаза у него не горели и руки все больше опускались. Сложно было смотреть на такой расклад.

– Ладно, я поехал. А ты помни, что с Коповым лучше не спорить. Благо он у вас нечасто будет.

– Все-то ты знаешь!

Усмехнувшись, закрыла дверь. Пospешила на КПП, так как времени оставалось мало. Да, Литвин и тут прав. Копов на семинары редко лично приходил. Покошмарил нас своим присутствием с пару месяцев, а потом благополучно спихнул на адъюнктов и других преподавателей.

Знаний от этого меньше не становилось, ведь там вся кафедра по струнке ходила и объем домашки иногда повергал нас всех в шок. А тут еще и подянки со стороны учебного отдела.

– Маша, скажи, что у тебя еще тетрадь по уголовке никто не брал, и ты сделала пленум этот бесячий. У меня пальцы отваливаются. Я вчера в ночи села за него и уснула!

Диана поравнялась со мной аккурат на КПП. Сонная, взъерошенная и такая прямо вся милая. Она, когда не включала стерву или командиршу, была более чем нормальной девчонкой.

– Ты первая будешь!

– А я вторым!

Неожиданно из-за не спины вышел довольный, весьма свежий, да и вообще, такой весь из себя Сема. Мы с Дианой переглянулись и прыснули. Если Сема доволен, то тогда...

– Хрен тебе, Семеныч, за то, что я вчера до двенадцати у парней торчал, ты должен мне эту тетрадь!

Ожидаемо из-за спины баяниста показался Василек. Злой и недовольный. Они прямо на контрасте смотрелись. Уже который раз такая история.

Сема мог отказаться от учебы только перед лицом плотских удовольствий. Никогда бы не подумала, что в таком, как это сказать... ну, худеньком теле скрывается такая любовь к сексу.

– Тебе там никто не мешал переписать постановление!

– Так тебе тоже!

Ехидно Василек упер руки в боки, а потом гневно уставился на своего соседа. Хорошо, что наш Семеныч не пользовался бешеным успехом у барышень. Просто регулярным. Иначе бы Антон с ним жить не смог. Ну, или хотя бы двушку снял.

– Что, цветочек наш луговой, опять барабанный друг устраивал у вас Содом и Гоморру? Я к вам в гости боюсь приходить уже, мало ли что подцепить можно!

Андрей Изворотов догнал нас уже у турникета. Так мы, смеясь и толкаясь, ввалились в институт. Былого кипиша на входе, как при Михалыче, давно не было.

Баранов не утруждал себя тем, чтобы кошмарить курсантов. Он предпочитал там свои какие-то ходы, и доставалось в основном наряду. Но там другой уровень ответственности.

Покосилась на Андрея. Он оживал. Все чаще улыбался и смотрел не таким тяжелым взглядом, как еще пару месяцев назад. Груз ответственности частично спал, и в его жизнь снова возвращались обычные будни. Я рада.

Построение было на большом плацу. Разводы, к сожалению, никто не отменял. Ника с Макаром уже стояли и о

чем-то тихо спорили. Фальцева отказывалась переходить на обычную одежду, хотя мне показалось, что уже весь институт знает про ее положение.

Не знаю, что у них постоянно происходило, но иногда мне думалось, что они попросту не умеют жить дружно. Хотя что уж сложного... Да, понимаю, ситуация непростая, но уверена, что они справятся.

– Давайте взорвем учебный отдел?

Из строя доносились стоны. Мы стояли по группам, и ситуация у всех была примерно одна и та же. Вчера днем было четыре лекции. Четыре! Да еще какие! Все по сложным предметам, на которых не поспишь.

А сегодня по ним же семинары. По всем четырем. Это как вообще называется? Даже Груша возмущался, а желающих сходить в наряд стало в разы больше.

Но учебный отдел смотрел на нас как на восьмое чудо света. Мол, совсем уже сдурели? Что значит, ошибка в расписании?! Они святые люди, и работники столетия не ошибаются!

Финалочкой было искрометное:

– Да и вот же все с вами понятно. Вы же та самая группа, что заслуженного преподавателя выжила.

Моему возмущению не было предела. Хотелось буквально стонать, но на суть дела это никак не влияло. Пошли готовиться к первому семинару. Процесс уголовный.

Вел не Копов, и как-то все прошло напряженно, но тем не

менее относительно спокойно. Блистала, как всегда, Фплъцева. Мне казалось, что именно этот предмет стал по-настоящему ее звездным часом.

С ней дискутировали, с ней считались, ее мнением искренне интересовались. Ну и плюс ко всему, она иногда такие скользкие моменты знала, что даже мы охреневали.

Перед первым семинаром по гражданскому процессу мы сидели на перемене, пытаюсь поймать дзен.

– Вероника, в можно мы тебя просто клонируем? А? Ну, чтобы ты за всех нас отвечала.

Бледная Вероника грызла яблоко. Все уже знали, что периодически ее треплет токсикоз. Она же призналась, что именно учеба ее спасает от этой заразы.

– Я не против. Глядишь, тошнило бы меньше.

Девчонки засмеялись. Аленка глядела на нее во все глаза. Мне кажется, Иванова узрела свой самый большой страх в ситуации Ники. Вот и сейчас она со странным благоговением спросила:

– Блин, как ты в таком состоянии еще и учишься.

– Главное, чтобы, когда родит, училась. Наслышана я про местные обычаи относительно молодых матерей-курсанток.

Настя Маркевиченко, как всегда, со знанием дела высказывала свое мнение. Не девчонка, а просто кладезь информации обо всем. Справочное бюро наше.

– Посмотрим. Меня больше интересует, как сессию сдавать.

Народ улыбался. Кто о чем, а Фальцева о парах. Ну вот надо же так было ей попасть. Я могла бы подумать на кого угодно, но только не на нее. Вероника же у нас такая... Предусмотрительная!

— Ну что, девчонки, готовы к новому испытанию? Говорят, этот препод вообще жжет!

Василек повеселел. Еще бы! Четверку отхватил на уголовном процессе и теперь может на пару пар расслабиться. Наполняемость оценок — это крайне редко сбоящий принцип.

— Ой, да ладно, что мы так не видели?!

Диана закатила глаза. А потом покосилась на Олега. Тот сидел и старательно что-то переписывал. Глядя на его парту, тяжело вздохнула. Моя тетрадь по уголовке. Понятно.

Пошла по рукам опять! В прошлый раз мою тетрадку по ТСП нашли аж в третьей группе. Убить готова в такие моменты. Строго посмотрена на Василька, но настроение тому испортить было сложно.

Ладно, Олег потом сразу мне отдаст. Он никогда не передает без спроса. Как некоторые! Прозвенел звонок, и мы пошли по своим местам. Впереди первая пара по загадочному гражданскому процессу.

Глава 9. Олег Макаров

Гражданский процесс. Я раньше думал, что это такой маленький никому не нужный предмет, но все оказалось не так просто. Вот попадают же преподы не по профильным предметам, которые считают, что именно их направление кровь из носа самое важное.

Хотя ладно. Мне отец сразу сказал, чтобы я учил гражданку, потому что в жизни пригодится она, а не сколько дают за хранение наркоты. Типа сравни объем уголовного и гражданского кодексов.

Это как слон и моська. Потому что больше гражданского в отечественном праве нет вообще ничего. И хотя я на учебу никогда не жаловался, именно объем гражданского права вызывал у меня серьезные проблемы.

Благо препод попался адекватный. Гонял, но в целом ничего смертельного. На фоне простеньких непрофильных предметов второго курса вполне себе нормально.

Но третий год обучения преподносил сюрприз за сюрпризом. Многие ребята говорили, что это будет тяжело, но кто им верит, пока не испытаешь на собственной шкуре.

Ну вот и настал тот момент, когда мы стоим, а невысокий, но до странного статный препод смотрит на нас с веселым прищуром. Если бы вчера его лекция четвертой не стояла, могло бы быть даже весело.

Но после обеда да после трех предыдущих пар веселиться оказалось попросту некому. Он похохмил на этот счет. Сделал парочку замечаний отключившимся на последних парах ребятам, а потом весело добавил, что на семинаре встретимся.

Взяв журнал и прикрепленное расписание на неделю, он сначала отложил, но потом вернулся. Его брови поползли вверх, а потом он весело заявил:

– Вы чем насолили учебному отделу-то?

Почувствовав такое редкое человеческое сочувствие в его голосе, послышалось жалобное:

– Сами не знаем...

Конечно, вопросы первого семинара были разобраны. Тем более пары по гражданскому процессу сдвинулись на месяц, препод в отпуске был. А тут такое... Мы искренне надеялись, что он не будет выпендриваться и внемлет старой доброй традиции спрашивать по желанию.

– Ну что ж, как говорится. Ребята, беда не приходит одна! Я понимаю, что после Копова мне вряд ли удастся вас впечатлить, но скучно, обещаю, не будет.

С задних парт слышались робкие стоны. В смысле?! Можно нам очень скучно, очень обычно и без приключений? На что я спокойно ко всему относился, но вчерашний марафон по подготовке к семинарам выбил из колеи.

Да что уж. Мне кажется, весь курс вздрогнул. Неприятная история... А препод тем временем огласил готовность к от-

вету на вопросы семинара номер один.

Конечно же, Маша Копылова подняла руку. У нее традиция уже была первой отвечать на первый вопрос. Да только у одного изверга были другие планы.

Он мстительным предвкушающим взглядом оглядел присутствующих и полез глазами в журнал. Понятно! Народ синхронно зашуршал. Всем срочно понадобилось выучить первый вопрос. Хотя бы название.

– О! Знакомые лица. Я до сих пор помню, как меня в наряде по столовой Белозеров гонял лет десять назад. Ох и веселые же были времена! Так что... Белозерова, прошу к нашему шалашу.

Стопроцентное попадание. Диана только перед парой сетовала, что вот к чему подготовиться вообще не успела, так это к гражданке. Уголовный процесс она в принципе не рискнула бы динамить, право тоже, потому что оценок давно не было, а вот надежда на лояльность на первой паре тут дала маху...

Обернулся на нее. Она открывала рот, а потом закрывала. Залюбовался. Растерянная, милая и ранимая Диана – это нечто. И пусть сейчас у нее будет серьезное испытание, но я с удовольствием отметил ее выход к доске.

Она отличница у нас, что неудивительно. Все-таки неглупая, вполне себе смышленная. Ленивая и импульсивная местами. Но оценки ниже пятерки получать не любила.

Тут это невыгодно. И все потому, что она уже привыкла

уходить домой с самоподготовки пораньше, как отличница. Девушка осторожно и медленно вышла.

– Смелее, Белозерова. Я не кусаюсь. Вы же у нас отличница, верно?

– Верно, – осторожно ответила Диана.

Как по минному полю, ей-богу. Пара переставала быть томной. А еще уголовка же. Час от часу не легче. Препод с улыбкой сказал:

– Будем исправлять. Жду от вас ответа на первый вопрос. Прошу...

Настрой высокого уровня. Диана побледнела. Но в чем была главная фишка всех настоящих отличников? Правильно. Из такой задницы, как эта, они могли выбраться не то чтобы в легкую, но прям достойно.

Вот и Диана, хмурясь и напрягаясь, сделала почти невозможное. С горем пополам рассказала, что там знает про предмет и метод гражданского процесса. Но не тут-то было. Посыпались дополнительные вопросы. Между прочим, Дианка неплохо справлялась.

Ее ответ напоминал сражение не на жизнь, а на смерть. Но уже вскоре стало очевидно, что не за тем ее к доске вызывали, чтобы получить прекрасный ответ без сучка без задоринки.

Препод улыбался, потирал ручки и в конце ответа с каким-то маниакальным восторгом объявил:

– Три, Белозерова!

Ну как бы... Не мне судить, но достаточно справедливо. Особенно учитывая, что она явно не готовилась. Правда, Белозерова разошлась и была явно не согласна с таким результатом. Она возмутилась, обиженно спросила:

– Но я же хорошо ответила!

– Удовлетворительно, Белозерова, не более. Никаких по-
блажек делать не имею привычки.

– Но это же первая пара...

– Поэтому вы присаживайтесь, а я хотел бы послушать вашего несравненного, популярнейшего, самого-самого...

Послышались смешки, а Василек толкнул вбок залепленного на повторении или, если быть точным, изучении второго вопроса Семена. Тот даже не отреагировал, пока не услышал:

– ...Баяниста!

Я усмехнулся. Диана же злая, как после того нашего поцелуя, пошла к себе за парту. Сегодня она с Викой сидела. Та ухмылялась, даже на дергачах. Раз Сема вышел, пара минут на перекур у нее есть, прежде чем она начнет учить третий вопрос. А их сегодня аж шесть. Волшебный день.

– Семеныч! Давай уже.

Макар припечатал того по спине с такой силой, что шлепком разнесся по классу. Народ оживился и ловил настроение странного препода.

Все, кроме как минимум Дианы и Семы, что зло посмотрел вперед. Препод заржал. Надо выучить его имя отчество,

пока не до этого было. Стало забавно.

Баяниста постигла та же участь, что и Диану. Его мучили долго, с толком, с расстановкой. Как-то даже неинтересно стало в конце. Трояк прозвучал хлестко, с сарказмом. Семенич разозлился, как и Дианка.

Мне даже показалось, что препод их специально завалил чутка. Чтобы было веселее и застрашать всю группу. Так сказать, добавить веса, на первый взгляд, не самому профильному предмету.

Третьей к доске пошла Копылова. Задор у преподавателя никак не иссякал. Он решил, что раз девушка хотела, то девушке надо дать право высказаться. Следом на Машей и ее четверкой (Копылова очень быстро учила прямо на парах), пошел Василек.

Выбор пал на него за то, что цитирую: «Нечего было ржать над товарищем в трудную минуту». Судя по всему, процесс гражданский нам запомнится не менее уголовного. По крайней мере, задел шикарный.

Последним был вызван и полностью измучен наш Егорка Коптев. Тот плавал в вопросе, как в море корабли, и нещадно тупил. Преподаватель издевался над ним всласть. Закончили на том, что он спросил:

– Коптев, вы в танчики играете?

Тот хлопнул ресницами несколько раз. Кивнул. Да, он играл. Сейчас эта история только набирала популярность. И как он понял только?

– Тогда, товарищ курсант, если хотите допуск к зачету, то с вас Т-150.

Вся группа в недоумении хлопала глазами. Даже обиженный Сема перестал дуться. А я смотрю, третий курс становится все интереснее и интереснее...

Глава 10. Вероника Фальцева

– Макар тебя точно заберет? Машина у него какая-то не очень. Старая.

Смотрела на маму и в очередной раз диву давалась. Сначала радости моей не было предела, что она не стала злиться и психовать. Напротив, была искренне рада новости о том, что скоро станет бабушкой.

Тут же нашла мне врачей, наехала на руководство вуза, стала обращаться как с хрустальной вазой. Я как никогда чувствовала себя защищенной и любимой.

Страхи по поводу ее реакции развеялись, даже токсикоз стал намного легче! А потом... Потом мне пришлось столкнуться с реальностью, в которой я не только мамина дочка, но и будущая мать и даже... возможно, жена.

Потому что я думала, что ослышалась тогда. Шутка ли, мне стало плохо и внизу все словно окаменело. Тогда я так испугалась, едва ли не впервые так по-настоящему.

А тут из-за тонкой двери, куда не пустили Макара, его: «Я бы хотел жениться на вашей дочери...». Врач тогда ухмыльнулся, а потом даже произнес:

– Ну вот, наше государство своими не особо качественными материалами весь сюрприз вам испортило.

Я тогда кивала и хлопала глазами, ощущая себя странно. Я курсантка третьего курса. Беременная. Да, в моей жизни

все непросто, но денег хватает, уверена, проблем не будет.

Про замуж же даже думать страшно. Вот и мама ничем не дала знать, что слышала подобное от Макара. А потом и вовсе все чаще стала повторять:

– Нужен он тебе, Ник? Понимаю, бывает такое. Но ты подумай.

Я не дура. Что мать потихоньку выживает Сохина из моей жизни, стало заметно практически сразу. Она не любила, когда я звала его в гости. Наш с мамой дом для него был скорее странным суррогатом.

Она его критиковала. Спрашивала вроде бы безо всяких наездов, что он собирается делать дальше. Чем кормить семью? И как бы обычный вопрос, но что она ожидала услышать? Что он что? Бросит учебу, уволится из МВД и пойдет работать?

И машина у него не та, и жилья отдельного нет, а то, что мы сами живем на служебной квартире, ее не смущало. Странно, но со временем я хоть и делала вид, что все нормально, но выпады матери стали напрягать.

Тем более на фоне поведения самого Сохина. Потому что Макар просто идеально вел себя. Он ни разу не сказал ни слова против моей матери, хотя я точно видела, как он бесится.

Он постоянно был со мной, и я после той пары на физо, где мне плохо стало, посмотрела на него иначе. Я могу на него положиться. Могу. В одно мгновение все страхи про

НАС и отсутствие безопасности рядом с мужчиной развеялись.

Потому что он действовал слаженно, как мужчина. А я могу не сама, оказывается. Оказывается, проблемы решать может кто-то, кроме меня и мамы, и как он стал с ней разговаривать. Ради меня... Чтобы не расстроить МЕНЯ!

Иногда на лекциях я садилась назад, где можно было открыть окошко. Мать наругалась, и теперь нашему курсу ставили лекции только в аудиториях с окнами. Помню, когда это стало очевидно, Диана объявила нашего ребенка сыном полка и клятвенно обещала потом отблагодарить.

Да, это мама выбила, да, Сохин бы не смог так. Но разве это говорит о том, что он какой-то не такой? Нет, конечно. Я изменилась. И менялась каждый день.

Пару дней назад Маша сказала мне:

– Ты стала мягче. И взгляды свои на Сохина больше не прячешь.

Я тогда еще спросила, какие такие взгляды. Но Маша просто ответила:

– Влюбленные...

Ох! Это все было так странно и ново. Животик начинал расти, и я с нетерпением ждала шевелений малыша. Слава богу, с ним все было нормально. Но вот это вот пренебрежение матери...

Отправилась в институт. Сохин как штык ждал меня у подъезда. Я знала, что ему многого не хватало в наших от-

ношениях. Должно быть, меня. Общения.

Чаще мы ехали до школы милиции молча, но тут я решила завести разговор:

– У меня идея появилась по поводу стенгазеты ко Дню милиции.

Он улыбнулся. Да, для нас это самое рисование оказалось тем, что и объединило. Все же началось именно с него. С ватманов и моей неумной фантазии.

Он бежал от себя в краски и кисти, а бежала от рутины и проблем серых будней. А в итоге вот как мы встретились и нашли друг друга.

– Груша в обморок не грохнется от твоей идеи? Давай сразу говори, сколько ватманов?

Я улыбалась. Тоже. Гладила руками живот, который потихоньку рос, и уже скоро придется отказаться от строгой формы одежды. Ответила:

– Груша-то ладно. А вот Симон будет бдеть. Думаю, четырех хватит.

– После пьяного медведя-то!

Я фыркнула. Да, было дело на Восьмое марта. Я придумала очень спокойную стенгазету в виде известного серого мишки, нарисовав ему счастливые глаза.

Почему-то тогда еще начальник нашего курса Симон, увидев наше творение, строго приказал переделать. Мол, где вы видели серых медведей, да и вообще, глаза у него пьяные!

Где он видел медведей с пьяными глазами, я не знала, но

долго спорила и психовала. Стоять на своем меня научили, это верно. И за три года это был единственный раз, когда я его не смогла переубедить.

– Я ему ту стенгазету презентую в миниатюре. В новый кабинет.

– Если он когда-нибудь будет!

Мы переглянулись. Макар умудрился, несмотря на механическую коробку передач, положить свою руку на мою. Тепло. Тепло и как-то правильно. Ну почему мама его не принимает?

– Ник, помоги с процессом? Сегодняшняя тема вообще не зашла, хотя вроде все понятно.

Странно как. Двое людей, что скоро станут родителями, обсуждают учебу. Она по-прежнему давалась мне легко. Я не корпела над учебниками и не сидела сутки с конспектами.

Составляла их кратко и емко, и у меня редко кто брал переписывать. Все же у меня имелась своя своеобразная модель повествования. Это вон у Маши с Настей вечно очередь стояла. Они и ручками цветными пользовались и текстовыми делителями.

– Давай говори, что тебе непонятно?

Оставшуюся часть пути мы проболтали. А у меня язык жгло спросить про свадьбу. Точнее, правда ли он хотел на мне жениться. Что-то неуловимо поменялось.

Неужели я правда свои мозги в гормонах утопила, как Алена выразилась про свою знакомую беременную? Надо ду-

мать об учебе, о ребенке, много о ком и о чем еще...

Кстати, ребята в целом очень удивили своим отношением и реакцией. Потому что я никак не ожидала такого спокойствия. Никто не попрекал, не удивлялся. Ни единого слова против или в насмешку.

В других группах проскальзывало, но не в нашей. Мне Настя Маркевиченко рассказала, что как-то в курилке Волобуева, тетка моя которая, очень некрасиво прошла по нашей с Сохиным ситуации.

Но Макар даже слова вставить не успел. Практически все из нашей группы, кто там стоял, велели ей заткнуться и за собой смотреть. Даже Вика потом негодовала, и народ слышал, как она ругалась с сестрой, высказывая, что у той у самой рыльце в пушку.

Приятно. Это невероятно приятно. Потому что я не ожидала. Я же Снежная королева. Я же та, кто мог ради оценки на первом-втором курсе вылезть куда не надо. Любви ко мне не испытывали, и друзей-то по большому счету не было.

А тут моя беременность как сплотила нас. Девочки стали фрукты таскать, веселить. А когда меня тошнило, просить открыть окно в классе, прежде чем я сама спохватывалась.

Парни вели себя тоже иначе. Да и Макар... Снова в мыслях был один Макар и Машино «влюбленно». Ну... может, ей и виднее. А пока мы готовились к обоим процессам. Ведь словно по насмешке судьбы нам их учебный отдел уже в третий раз ставил в один день. Гражданка и уголовка...

Глава 11. Вика Волобуева

– Дура, она и в Африке дура. Эта овца снова вылезла вперед. И ведь общается же с Катькой из третьей группы. Ответы на тесты у нее были, а нам никому не сказала!

Вероника, как всегда, верещала на всю маршрутку. Она в последнее время зверствовала. Мы с ней совсем перестали общаться. Даже мама заметила, и это ее волновало.

Точнее, ее волновала моя сестра. Как-то про меня она сказала, что я у нее опасений не вызываю. Это правдой было. Мои загулы по клубам как-то сошли на нет.

Ну, или мы с девочками собирались с группы. Только вот у Насти Маркевиченко парень появился, Алена тоже больше потанцевать ходила. У нее тоже то один кавалер, то другой. Как-то потихоньку компания своя формироваться стала.

А у Ники... Там я просто молчала, потому что ссориться с сестрой надоело. Она взрослая девочка и прекрасно знает, с кем ей общаться, а с кем нет.

– Вик, ты меня слушаешь?

– Слушаю. Ты снова рассказывала, как вы третируете свою одноклассницу.

– Да ты в курсе, что она нас постоянно подставляет! Гнида!

Я поморщилась. Да уже весь курс знал об этой странной войне. Да, действительно, у них в группе была одна странная

девушка. Она еще с первого курса вела себя примерно как наша Фальцева.

Только, в отличие от Вероники, умом, а также незаурядными способностями, она не обладала. А вот изворотливостью, а еще странным понятием о правильности вполне.

У нас в институте по большей части препода были адекватными. Иногда у них прокатывало понимание ситуации. Например, как тогда, когда парни почти сутки снег чистили зимой и не смогли подготовиться.

Мы с девочками договорились и приняли удар на себя. А вот во второй группе так не вышло. Как раз вот та заарканилась. Потом как пошли случаи... Когда появились летучки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.